

А.Ф. КОНИ В КАЗАНИ

Ф.Н. Багаутдинов, судья Конституционного суда Республики Татарстан, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан

Анатолий Федорович Кони (1844–1927 гг.) родился в Петербурге. Его отец — известный театральный критик и издатель, мать — актриса и писательница. С детских лет А. Кони окружала атмосфера литературы и искусства. В 1865 году А.Ф. Кони успешно закончил юридический факультет Московского университета и начал работать помощником секретаря Петербургской судебной палаты. Затем последовала прокурорская и судейская работа в Сумах, Харькове, Казани, Петербурге.

Про А.Ф. Кони написано немало. Да и он сам оставил много воспоминаний и работ. Поистине это тот редкий случай, когда в жизни человека тесно переплелись музы и право. Причем в обеих сферах он достиг успеха и признания. С одной стороны, Кони — юрист, прокурор, судья, государственный деятель. С другой стороны, он писатель, литературовед, ученый, оратор, вдобавок ко всему имевший высокое звание Почетного академика Академии наук по изящной словесности. Кстати, А.Ф. Кони состоял и почетным членом юридического общества при Казанском университете.

Судья А.Ф. Кони известен тем, что ему в 1878 году пришлось выступить в качестве председателя на знаменитом судебном процессе по обвинению революционерки Веры Засулич, которая покушалась на убийство градоначальника Трепова, — стреляла в него за то, что по приказу Трепова в тюрьме был избит политический заключенный Боголюбов. Как известно, присяжные заседатели оправдали Веру Засулич и в принятии ими такого решения власти обвинили А.Ф. Кони — дескать, председатель не смог внушить присяжным нужное решение.

В результате травли и интриг А.Ф. Кони в 1881 году уходит с поста председателя Петербургского окружного суда. В дальнейшем он работает председателем гражданского департамента Петербургской судебной палаты, обер-прокурором уголовно-кассационного департамента правительствующего сената, а также в составе комиссии по пересмотру судебных уставов. После Октябрьской революции 1917 года А.Ф. Кони увлеченно занимается преподавательской работой.

Будучи большим знатоком русской литературы, А.Ф. Кони поддерживал дружеские отношения с Н.А. Некрасовым, И.А. Гончаровым, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, В.Г. Короленко, А.П. Чеховым и другими писателями и поэтами. О многих из них он оставил воспоминания, сохранил переписку с ними.

Известно, что именно А.Ф. Кони подарил им некоторые реальные криминальные сюжеты, которые потом легли в основу тех или иных произведений. Например, на основе материалов, полученных от А.Ф. Кони, поэт А.Н. Апухтин написал поэму «Из бумаг прокурора». Также известно о том, что великий Лев Толстой в повести «Воскресение» использовал реальный случай суда над молодой девушкой из практики Кони («Коневская повесть» — так называл это произведение сам Толстой). Ф.М. Достоевский при содействии А.Ф. Кони и с его участием посещал колонии для малолетних преступников и потом использовал эти впечатления в известных произведениях.

Чем нам близок А.Ф. Кони? Он работал в наших краях. До этого он успел поработать в должностях секретаря

прокурора судебной палаты в Петербурге, товарища прокурора Сумского, Харьковского окружных судов. В Харькове он проработал три года, занимаясь введением суда присяжных. С 1871 года А. Кони — прокурор окружного суда в Петербурге, а с января 1878 года — председатель Петербургского окружного суда.

Вот между работой в Харькове и Петербурге и был небольшой период — чуть более полугодом — работы в Казани. Есть достаточные основания утверждать, что А.Ф. Кони работал прокурором Казанского окружного суда по крайней мере в период с ноября 1870 года по апрель — июнь 1871 года.

Личного дела А.Ф. Кони в Казани мы не нашли. Также нет сведений о нем в архивных фондах прокурора Казанской судебной палаты, прокурора Казанского окружного суда, Казанской палаты уголовного суда, Казанской судебной палаты и Казанского окружного суда. Сохранились отдельные судебные отчеты, опубликованные в местной казанской газете, в которых упоминается об участии по делу прокурора А.Ф. Кони, публикуется его речь по делу.

В связи с введением в действие Судебных Уставов 1864 года и созданием суда присяжных в стране поэтапно создавались судебные округа: в 1865 году — Московский и Санкт-Петербургский, в 1867 году — Харьковский; в 1869 году — Одесский; в 1870 году — Казанский.

Новые суды в Казанском судебном округе были открыты в два приема. В августе 1870 года были вновь назначены чины судебной палаты и окружного суда. За несколько месяцев до этого были созданы мировые суды. Одновременно с этими новыми судебными учреждениями продолжала существовать палата гражданского и уголовного суда и старый губернский прокурорский надзор. В этой связи А.Ф. Кони, назначенный прокурором окружного суда, в течение двух месяцев исполнял и обязанности губернского прокурора.

В связи с введением новой должности судебного следователя, которая не была органически связана с полицией, встал вопрос, насколько старые кадры следователей способны воспринять но-

вые судебные порядки. Как отмечал А.Ф. Кони, в провинции старая закваска была еще довольно сильна и поэтому введению судебной реформы должна была предшествовать тщательная проверка сил, способностей и приемов наличных судебных следователей.

С этой целью проводились тщательные ревизии, о результатах которых прокуроры судебной палаты должны были представлять доклад министру юстиции. Производство ревизий по отдельным уездам и участкам в Казанской губернии прокурор палаты возложил на А.Ф. Кони и некоторых его товарищей. Таким образом, Кони в сентябре и октябре 1870 года с ревизиями посетил Козьмодемьянский, Свияжский, Лаишевский, Чистопольский и Мамадышский уезды.

Как отметил А.Ф. Кони по результатам этой ревизии, следователи переходной формации оказались людьми добросовестными, знающими и трудолюбивыми. Забраковали только двоих — «опустившихся под влиянием жизни в глухом городке и засосанных провинциальной тиной».

Одного из старых следователей, как писал Кони, мало даровитого, но честного труженика, которому оставалось три года до пенсии, в связи с реформой оставили за штатом. А.Ф. Кони заступился за старика, но это не возымело действия. Старый следователь очень переживал, что его не направили для исполнения обязанностей при новом суде, и вскоре впал в мрачную меланхолию. Как вспоминает Кони, через три месяца после открытия судов ему пришлось участвовать в тягостной процедуре — особом присутствии губернского правления при освидетельствовании умственных способностей этого бывшего следователя.

Помещения Казанского окружного суда, предназначенные для суда присяжных, были освящены 8 ноября 1870 г. отцом Антонием. В тот же день члены магистратуры и прокуратуры устроили торжественный обед по этому случаю, пригласив на него и губернатора Н.Я. Скарятину. При этом его поблагодарили за то, что он принял особенное участие в приличном устройстве зала судебных заседаний, на что Министерством юстиции были отпущены

совершенно недостаточные и скудные средства (до боли знакомая картина — то же самое происходило еще совсем недавно).

А.Ф. Кони в своих воспоминаниях дал губернатор Скарятину следующую характеристику: «...деятельный и энергичный администратор, но охмелевший от вина власти», который в связи с судебной реформой «роптал на представлявшееся ему умаление своих прав...».

Первое в истории судопроизводства в Казанской губернии дело с участием присяжных заседателей слушалось в Казанском окружном суде 19 декабря (по старому стилю) 1870 г. Задолго до начала суда весь город уже знал о нем, а за неделю начали раздавать приглашительные билеты всем желающим. Их оказалось так много, что зал суда был переполнен. Кроме представителей судебного ведомства, прокурорского надзора, в суд прибыл и сам губернатор.

Председательское место занял председатель Казанского окружного суда А.Э. Лазарев (по воспоминаниям А.Ф. Кони — добрый и искренне преданный судебному делу человек). Обвинение поддерживал Анатолий Федорович Кони. Защиту осуществляли присяжный поверенный Белов и бывший студент Симанцев.

Рассматривалось дело об убийстве посредством отравления и удушения отставного рядового Белова его женой и ее сожителем Каляшиным. Обвинение было построено на очень веских косвенных уликах и на том, что от дома убитого до места, где был найден его труп, шли явные следы перетаскивания последнего; в желудке убитого был обнаружен мышьяк, а на шее — несомненные следы удушения.

Почему выбор пал именно на это дело? Сам Кони пишет, что он был против «начатия работ с присяжными делом, где главную роль играли косвенные улики». Он бы предпочел дело с более веской доказательственной базой. Но председатель суда Лазарев настаивал именно на этом деле, и как потом признался Кони, Лазарев оказался прав: «присяжные с глубоким пониманием исполнили свой долг».

На суд явились 30 кандидатов в присяжные заседатели. Трое не явились. У

двоих из них причину неявки признали уважительной (один — болен, другой — в заграничной командировке), а третьего, временно выехавшего в город Саратов, за неявку оштрафовали на 25 рублей.

На судебное заседание были вызваны семнадцать свидетелей, которых после проверки удалили в специальную комнату. А затем началась процедура отбора присяжных заседателей. Из тридцати кандидатов пять человек были отведены сторонами. Имена оставшихся двадцати пяти написали на билетах, которые положили в ящик и тщательно перемешали. Затем председательствующий вынул по одному четырнадцать билетов и громко назвал каждое имя. Так были избраны двенадцать присяжных заседателей, которым предстояло рассмотреть дело. Двое стали запасными. Избранных привели к присяге. Затем присяжные заседатели в особой комнате избрали своего старшину — Н.М. Тилле.

По возвращении в зал заседания присяжные слушали обращенную к ним речь председательствующего. В частности, А.Э. Лазарев сказал: «В каждом уголовном заседании есть два начала, на которые устремлены все усилия, вся деятельность, все внимание суда,— факт и право. Вы — судьи факта, мы — судьи права. Вы должны по результатам судебного следствия определить, действительно ли совершилось событие преступления, а мы приговор ваш подведем под закон и на основании его постановим окончательное по делу решение».

Затем зачитывается обвинительный акт. Фабула дела была такова. 22 июня 1870 г. в четвертом часу утра в селе Теньки Свяжского уезда в переулке между садами был найден труп Степана Белова. Волостной пристав и староста произвели осмотр места обнаружения трупа и установили, что тело было перенесено от дома Степана Белова через соседний сад и брошено в переулке. Белов, недавно вернувшийся из Казани, где он 16 лет прослужил в пожарной команде, последнее время сильно пил и совсем не занимался домашними делами. Его жена Арина Белова вскоре после отъезда мужа в Казань пустила на квартиру Матвея Каляшина, с которым стала

сожительствовать и вести совместное хозяйство. Матвей Каляшин был ранее женат, но от жены ушел. В селе все знали о сожительстве Беловой и Каляшина, но не придавали этому никакого значения, так как подобные вещи у крестьян случались нередко. При обыске дома Беловых в сенях была найдена плешка с каким-то снадобьем и много пятен крови как на полу и стенах, так и на различных вещах. На первых допросах Белова и Каляшин давали противоречивые показания. Содержащаяся в плешке жидкость, по словам Беловой, была приготовлена ее мужем для борьбы с мухами, но ее дочь Варвара на следствии показала, что жидкость эту делала мать. По подозрению в убийстве по предварительномуговору Белова и Каляшин были арестованы. Тело Степана Белова было отправлено на вскрытие, которое показало, что он сначала был отравлен, а окончательная смерть наступила от насильственного удушения. Белова и Каляшин своей вины не признали, ссылаясь на то, что убийство — дело рук посторонних людей, несмотря на то что в избе была найдена окровавленная рубашка Каляшина.

После этого начался опрос свидетелей. Дочь Беловой Варвара и жена Каляшина Акулина Яковлевна отказались от дачи показаний. Судебное следствие не выявило ничего нового, а свидетели мало что прибавили к тому, что содержалось в обвинительном акте.

Прения сторон обвинения и защиты начались лишь в 9 часов вечера. Прокурор главным образом основывал свои обвинения на показаниях экспертов, доказывая, что Степан Белов был предварительно отравлен, а уж затем задушен. Свои доводы он с чрезвычайной тонкостью и логичностью подкреплял данными об изменениях и повреждениях, найденных на теле и внутренних органах, все это увязывая с вещественными доказательствами. Приведенные им доказательства были красноречивы и убедительны.

Вот некоторые отдельные замечания из речи А.Ф. Кони:

«По мнению врача, утвержденному врачебною управой, оказывается, что Белов отравлен. Но отравление есть такое преступление, которое чаще всего совершается своими, близкими...».

И далее: «...среди убийств всякого рода отравление есть самое мрачное и преступное. Оно делается втихомолку, и тот, на чью жизнь оно направлено, не может никак защититься, потому что не ведает ни дня, ни часа, когда человек, пользующийся его доверием, очень часто близкий и дорогой, призывает себе на его погибель убийственного и незаметного помощника — яд... Сам отравитель ничем почти не рискует и может спокойно готовить свое скрытое оружие и ждать конца отравления. Он не нападает прямо, как обыкновенное убийство, в нем нет даже того, что можно назвать смелостью преступления. Все делается тихо, осторожно, коварно...».

Надо полагать, что эти слова прокурора вызывали в зале праведный гнев и осуждение, а также слезы и рыдания.

Речь А.Ф. Кони, которая продолжалась полтора часа (она была полностью опубликована в газете «Казанские губернские ведомости» № 6 от 20 января 1871 г.), — классический образец убедительного анализа доказательств с точки зрения обвинения, пример объективности и убедительности юриста. Речь эта и сегодня может служить учебным пособием для студентов-юристов, будущих прокуроров.

Вообще это редкость, чтобы в газете публиковалась полностью речь прокурора — государственного обвинителя по конкретному уголовному делу. По крайней мере я не припоминаю таких случаев в наше время. Это не практикуется по нескольким причинам. Во-первых, не всегда прокурор идет в суд с готовой написанной речью, чаще всего он выступает по записям, тезисам либо же экспромтом. И, во-вторых, редко кто из прокуроров рискнет выставить свою речь на всеобщее обозрение.

Из отчетов по данному уголовному делу, которые публиковались в нескольких номерах газеты, можно сделать вывод о том, что речь А.Ф. Кони была записана сотрудниками газеты «Казанские губернские ведомости». Они же записали и речь присяжного поверенного Белова, который защищал Белову. А вот в отношении речи Симанцева, который защищал Каляшина, в газетном отчете о процессе написано следующее: «Речь гражданина Симанцева не

записана. Несмотря на то что мы сидели чрезвычайно близко, мы не могли слышать ничего, кроме отрывочных фраз».

Обращаясь к присяжным заседателям по данному делу, А.Ф. Кони, в частности, произнес следующие слова, которые стали классическими и часто цитировались в различных работах:

«Пойдемте рука об руку на исследование обстоятельств дела. Если защита найдет светлые стороны в деле, которые иным, более чистым светом озарят его обстоятельства и заставят вас не поверить виновности подсудимых или сильно усомниться в ней, то вы их оправдаете. Но если факты, молчаливые, но многозначительные факты, не будут опровергнуты, если вы не почувствуете в своем сердце невинности подсудимых и если в вашем уме не возникнет основательных сомнений в их виновности, то обвинение смело может выразить надежду, что вы не увлечетесь ложно понятым чувством жалости и, спокойно исполняя свою высокую задачу быть защитниками общества и судьями, согласитесь с обвинением и вынесете обвинительный приговор».

Хорошо подготовился к защитной речи и присяжный поверенный Белов, использовавший все возможности для оспаривания обвинения. Он все-таки выискивал слабые стороны обвинения, доказывая, что все построено на одних предположениях и косвенных уликах, а также и то, что мнения экспертов не совпадают в некоторых выводах. Слабая речь защитника Симанцева не дошла ни до суда, ни до присяжных, ни до присутствующих в зале из-за своей бессвязности.

После завершения прений председательствующий вручил старшине присяжных опросные листы. Как мы можем прочесть из воспоминаний А.Ф. Кони, свое напутствие присяжным заседателям председатель суда Лазарев закончил в полночь следующими словами: «Да просветит и укрепит Господь ваш ум и совесть при разрешении сомнения в том, виновны ли подсудимые в жестоком деянии, которое им приписывается». Это произвело на всех хорошее впечатление. Присяжные удалились в совещательную комнату, у дверей которой встала стража. Через

час присяжные заседатели уведомили судебного пристава, также находившегося у двери, что их вердикт готов. Вернувшись в зал, старшина ознакомил с решением присяжных председательствующего, а затем прочел ответы вслух. Был дан ответ: да, оба подсудимых виновны, по предварительному между собой соглашению.

После этого суд, заслушав мнения сторон о мере наказания, удалился на совещание. В итоге суд приговорил: Арину Ивановну Белову — лишить всех прав состояния и сослать на каторжную работу на заводах сроком на 13 лет, а после отбытия наказания навсегда поселить в Сибири; отставного унтер-офицера Матвея Петровича Каляшина — лишить всех прав состояния и сослать на каторжную работу в крепостях на срок 11 лет, а после отбытия также навечно поселить в Сибири.

Лишь в 5.30 утра следующего дня председатель суда объявил заседание закрытым. Так закончился первый гласный состязательный уголовный процесс в Казани, положивший начало новому производству.

А.Ф. Кони так писал об этом деле: «Торжественная обстановка заседания, длившегося до глубокой ночи, публичное изложение врачами-экспертами своих мнений и спор между ними, оживленные речи сторон и необыкновенное внимание, проявленное присяжными, произвели глубокое впечатление на общество и возбудили в нем интерес к новому суду».

Кстати, подсудимые после произнесения приговора заявили: «Грех наш». И попросили разрешения вступить в брак.

После первого дела начались обычные заседания и потянулись рядовые дела о кражах со взломом и о других кражах с собственным сознанием подсудимых и весьма несложными обстоятельствами дела. Будучи очень занят, Кони не имел времени заходить в эти заседания. Как правило, Кони поддерживал обвинение по наиболее сложным уголовным делам.

В очерке «Гражданские дела» А.Ф. Кони писал, что, кроме всего прочего, он в Казани в течение нескольких месяцев давал в окружном суде заключения по гражданским делам. Дела эти

были весьма несложными, да и поводы для прокурорских заключений возникали редко.

Газета «Казанские губернские ведомости» в № 29 от 17 апреля 1871 г. опубликовала отчет еще с одного судебного заседания, в котором в качестве прокурора участвовал А.Ф. Кони. Судебное заседание состоялось в 1-м уголовном отделении Казанского окружного суда. Рассматривалось дело об убийстве крестьянки Ядринского уезда Авдотьи Андреевой. В убийстве обвинялись Агафья Степанова (ее защищал Рейнгарт) и Иван Петров (его защищал Струзерь). В недонесении об убийстве обвинялись Кириллов и Егоров. Дело также рассматривалось судом с участием присяжных заседателей.

Процесс вполне похож на современные судебные процессы. Первоначально обвиняемые признались в убийстве становому приставу и следователю. Потом обвиняемые отказались от своих первоначальных признательных показаний, утверждая, что их истязали в полиции, били палками, пытали и т.д. На что Кони в своей речи отметил: «Время таких безнравственных приемов давно миновало, должности следователей замещаются людьми, сошедшими с университетских скамей и не забывшими уроков чести и добра, ими из университета вынесенных. Показания обвиняемых об истязаниях противоречивы, сбивчивы и даны почти через год после допроса. Они, очевидно, плод тюремных уроков и осторожных советов» (прочитав эти строки, я невольно улыбнулся: к сожалению, такие «безнравственные приемы» встречаются и сегодня).

Выступая по делу об убийстве Авдотьи Андреевой, прокурор А.Ф. Кони разделил все материалы судебного следствия на две части — бесспорный, точный и спорный, подлежащий доказыванию или опровержению. Защита выдвинула версию о самоубийстве А. Андреевой и просила обвиняемых оправдать.

Кони А.Ф. к числу бесспорных доказательств отнес показания свидетеля Григорьева (кстати, в суде он их изменил), факт хищения драгоценностей у потерпевшей, наличие пятна крови на скамье и некоторые другие. В пользу

обвинения выступили и судебный эксперт Гвоздев, доктор Кривошапкин, которые подтверждали факт убийства.

Из судебного отчета видно, что при обвинении Кони использовал любые незначительные детали, любые житейские доводы. Так вот, смерть потерпевшей наступила в результате того, что ей перерезали шею. По этому поводу А.Ф. Кони заметил: «...вообще женщины крайне редко прибегают к кровавому способу самоубийства — к ножу или огнестрельному оружию, в то время когда мужчины режутся или стреляются, женщины топятя и вешаются...».

Тем не менее по данному делу присяжные заседатели оправдали всех обвиняемых и освободили их из-под стражи.

Как же проводил свое свободное время в Казани А.Ф. Кони? В письме от 9 декабря 1926 г. П.И. Бирюкову (основателю издательства «Посредник», биографу Л.Н. Толстого) А.Ф. Кони, в частности, писал о таком случае: «Это произошло в Казани в 1871 году, где я был прокурором только что открытого окружного суда при введении судебной реформы. По субботам у меня собирались мои сослуживцы и некоторые профессора. Сослуживцы обычно провинциальному усаживались за карты на двух столах, а я проводил вечера в беседе с профессорами, между которыми были очень интересные люди. В карты я не играл, ничего не понимая в преферансе (винта тогда еще в помине не было) да и вообще не сочувствуя этому препровождению времени, исключая разве желательность изучать темпераменты играющих. Однажды, после ужина, гости стали меня уговаривать поиграть, указывая, что есть игра — не отменно азартная — понятная всякому. Это был ландскнехт, весь основанный на самообладании в случае успеха и в умении вовремя остановиться и передать карты соседу. Я играл, в сущности, безотчетно и только слышал вокруг: «Какое счастье!», «Вот везет-то!» и т.п. Часа в два ночи настало время разойтись, и старейший по летам из гостей прокурор Судебной палаты Червинский, подавая мне 600 рублей (а ставка была, кажется, в 10 копеек), сказал: «Поздравляю Вас! Я еще не видывал такого успеха в эту игру». Все разошлись,

но я не мог заснуть, мучаясь тем, что «обыграл своих гостей». На другой день, под влиянием той же невыносимой мысли, я пошел к Червинскому и настойчиво просил его созвать снова всех нас, игравших, для продолжения игры. «Ага! — сказал Червинский, — понравилось, еще бы — с таким счастьем!» И через два дня исполнил мою просьбу. Я уже понимал, в чем в этой игре состоял риск — и рисковал отчаянно, несмотря на доброжелательные предупреждения партнеров. Результат оказался желательный, особенно если принять во внимание, что я «примазывался» к каждому играющему и делил его неудачу. Оказалось в конце концов, что я проиграл 700 рублей. Встав из-за игорного стола, я сказал: «Господа, я, невзначай для себя, выиграл у Вас в совокупности 600 рублей. Теперь я возвратил Вам все, прибавив проценты в виде 100 рублей. Мы квиты — но больше я в жизни для игры карт в руки не возьму...». И я это исполнил в течение почти шестидесяти лет...».

Конечно же, подобное времяпровождение в Казани для Кони было скорее исключением. Обратимся к другим его воспоминаниям, в которых он, в частности, писал: «Перед самым введением судебной реформы в Казанской губернии я был назначен прокурором Самарского окружного суда и, не успев еще выехать из Петербурга, был переведен в Казань на ту же должность с возложением на меня обязанностей и губернского прокурора впредь до закрытия судебных мест старого устройства. Работы было очень много, но делалась она с любовью и большим увлечением. Некоторые из лиц казанского общества говорили мне впоследствии о том удивлении, с которым они замечали, проезжая далеко за полночь по пустынной Воскресенской улице, свет в окнах официального прокурорского кабинета в нижнем этаже окружного суда, где я работал почти безвыходно».

А.Ф. Кони с искренним чувством симпатии и уважения вспоминал своих противников (имея в виду защитников), с которыми ему пришлось участвовать в судебных процессах в Харькове, Казани и Петербурге. Он, в частности, писал: «Мы часто горячо и убежденно боролись, но никогда ни мне, ни моим

товарищам не приходилось слышать по своему адресу каких-либо личных упреков, инсинуаций или вздорных выводов...».

Добрými словами вспоминал А.Ф. Кони и следователя по особо важным делам Казанского окружного суда Герасима Петровича Завьялова (работал в 70—80-х годах), следователя Ивана Васильевича Мещанинова, которого он характеризовал как человека высоких умственных и нравственных качеств. Очевидно, по рекомендации А.Ф. Кони следователь Казанского окружного суда Мещанинов был назначен начальником уголовного отделения Министерства юстиции, стал сенатором первого департамента.

Благодаря воспоминаниям А.Ф. Кони мы можем узнать о профессоре судебной медицины Казанского университета Иване Михайловиче Гвоздеве (1827 — 1896 гг.).

На суде по делу Каляшина и Беловой участвовали два эксперта: уездный врач, производивший вскрытие трупа Белова, и профессор судебной медицины И.М. Гвоздев. Во мнениях они разошлись. При этом Гвоздев подробно высказал сомнения в том, чтобы в данном случае было отравление и удушение. Кони вступил в спор с Гвоздевым, ссылаясь на работы известных ученых. Присяжные заседатели вынесли обвинительный приговор (кстати, среди них были два профессора медицинского факультета университета).

Обвинительный приговор произвел в городе большое впечатление. Одновременно он вызвал в местном медицинском обществе целую бурю негодования против какого-то прокурора, который позволил себе не соглашаться с авторитетным мнением научного специалиста. Как писал Кони, в первый год судебной реформы в Казанском округе к прокурору было отношение, как к чиновнику, которому «нечего совать нос в область судебной медицины, где он ничего не может понимать».

После этого Кони и Гвоздев не раз встречались в суде при рассмотрении различных уголовных дел. По мнению Кони, добрый и прекрасный по душе человек, автор нескольких интересных монографий, И.М. Гвоздев имел своеобразный взгляд на судебную медицину.

Он считал, что судебный врач должен быть подвержен самым широким сомнениям. Кони же считал, что судебный медик призывается для дачи категоричного ответа. Но Гвоздев все равно проводил по делам «настойчивый скептицизм», что заставляло колебаться и других врачей, вызывавшихся в судебное заседание.

По делу по обвинению Ковалинского в убийстве любовницы медик Гвоздев неожиданно заявил, что сомневается в том, чтобы Ковалинский наносил удары живой женщине, а не труп, т.к. потерпевшая упала с пролетки и сильно ударилась. Это меняло всю картину — получалось, что Ковалинский «неистовствовал уже над трупом».

На что подсудимый Ковалинский оживился и, обращаясь к эксперту, сказал: «Ну, уж это вы напрасно изволите говорить, что я мертвую бил: я на такое надругательство не согласен. А бил я живую. Когда я первый раз ее ударил, она завизжала и меня за палец больно укусила, тогда я ее в другой раз, а сколько раз потом — уж и вспомнить не могу: сильно выпивши был».

Такой же случай произошел с Гвоздевым и по другому уголовному делу, когда обвиняемый Нечаев захотел присутствовать при осмотре и вскрытии трупа убитого им старика Чернова. Сегодня обвиняемому такое право, как правило, не предоставляется, а тогда, как видно, разрешалось. Вскрытие производилось профессором судебной медицины И.М. Гвоздевым в анатомическом театре Казанского университета. При этом Нечаев спросил у профессора Гвоздева: как он объясняет кровоподтек на лбу убитого?— «Этот кровоподтек должен быть признан посмертным,— ответил Гвоздев,— он, вероятно, получен уже умершим». Нечаев в ответ злобно усмехнулся и, обращаясь к следователю и прокурору, громко сказал: «После смерти?! Все врет, дурак! Это я его обухом топора живого, а не мертвого, он еще после этого закричал».

Вот какие «сознательные» были тогда обвиняемые — не всегда соглашались с медиком, даже в тех случаях, когда это было в их пользу.

Как вспоминает Кони, ни по одному делу, где он принимал участие вместе с Гвоздевым, у них не сошлись

мнения. И Кони даже как-то пошутил, сказав Гвоздеву, что благодаря его постоянным сомнениям он как прокурор по каждому делу имеет двух противников: эксперта и защитника.

По одному делу, в котором можно было с одинаковой правдоподобностью видеть как убийство, так и самоубийство, эксперт Гвоздев после долгих сомнений и колебаний склонил весы своего заключения в пользу убийства. Кони же, не найдя достаточно веских доказательств, отказался от обвинения, и присяжные вынесли оправдательный приговор.

Несмотря на то что Кони не пришлось ни разу сойтись с Гвоздевым во взгляде на дело, он сохранил теплые воспоминания о его благородстве, о чистоте его побуждений и о его обширных познаниях. Через 20 с лишним лет они встретились в Эссентуках, сердечно обрадовались друг другу и с улыбкой вспомнили былые споры, которые лишь способствовали всестороннему освещению дела перед присяжными. Через несколько лет Кони с грустью пришел на могилу Гвоздева, чтобы поклониться его праху.

В 1907 году А.Ф. Кони опубликовал в «Русской старине» очерк «Из казанских воспоминаний», в котором рассказал об обстоятельствах уголовного дела уже упоминавшегося Нечаева, которого ему пришлось обвинять в Казани весной 1871 года. Нечаев совершил жестокое убийство старика-портного Чернова, который поручился за Нечаева, сидевшего за кражу в тюремном замке и забрал его к себе домой. Однако на доброту старика Нечаев ответил неблагодарностью — пропил вещи Чернова, требовал денег. Конфликт закончился убийством. На следствии Нечаев признал себя виновным.

Суд над ним состоялся в начале июня 1871 года в присутствии графа Палена, который прибыл в Казань для ревизии и посетил это судебное заседание. Его присутствие привлекло в зал массу публики, и все места были заняты. Один из зрителей поместился непосредственно за креслом обвинителя, в качестве которого выступал А.Ф. Кони. Как писал Кони, этот человек постоянно мешал ему своими вопросами о значении тех или иных действий суда и прокурора.

Кони очень удивился, когда впоследствии узнал, что любопытным зрителем оказался профессор уголовного права и судопроизводства, впервые посетивший действующий уже более полугодя суд с участием присяжных заседателей. А в целом, по замечанию А.Ф. Кони, университетская коллегия, за исключением профессоров медицинского факультета, отнеслась к новому суду с полным равнодушием и безучастием.

Нечаев вел себя на суде очень развязно, говорил колкости свидетелям и заявил, что убийство совершилось «фментально» (т.е. моментально). Присяжные не дали ему снисхождения, и он был приговорен к десяти годам каторги.

Рассказ интересен не только криминальным сюжетом. А. Кони, несмотря на жестокость совершенного преступления, указывая, что Нечаев был ярким представителем изобретенного итальянским криминологом Ломброзо преступного типа и прирожденным преступником, тем не менее смог раскрыть и его светлую сторону.

Дело в том, что, когда Нечаев сидел в камере, туда забралась кошка и окотилась. По просьбе Нечаева с разрешения прокурора Кони ему отдали двух котят, и на последние гроши узник поил их молоком, кормил.

После вынесенного приговора Нечаеву казанское дворянство и городское общество давали обед графу Палену. В середине обеда спешно явился тюремный смотритель и, вызвав Кони,

сообщил о том, что Нечаев начал буйствовать, вырвал у конвойного ружье и согнул его, выломал из стены кирпич. Его еле обезоружили и хотели заковать в ручные и ножные кандалы. На такую меру нужно было разрешение губернского прокурора, т.е. Кони. Подумав, Кони предложил в наказание отобрать у Нечаева котят.

Через три дня тюремный смотритель снова явился к прокурору Кони и попросил вернуть котят Нечаеву. «Что же? Буйствует?» – спросил Кони. Смотритель ответил: «Какое, помилуйте! Ничего не ест, лежит у дверей своей камеры на полу, стонет и плачет горячими слезами, просит отдать котят». И котят отдали...

Такая вот история давних лет. С одной стороны, жестокое беспричинное убийство старого человека, с другой стороны, необъяснимая любовь к бездомным котяткам...

В 1883 году, когда А.Ф. Кони находился в опале, он писал своему другу С.Ф. Морошкину о том, что Петербург ему опротивел, что здесь он пережил непрерывную цепь страданий – за себя лично, за близких людей и за дорогое дело. И в этой связи Кони писал, что он с удовольствием принял бы назначение старшим прокурором в Одессу, Киев или Казань.

Таким образом, мы можем смело утверждать, что несмотря на непродолжительный период работы, Александр Федорович Кони сохранил о нашем городе самые теплые и добрые впечатления.